

Северная правда
г. Кострома

7 ЯНВ 1988

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Когда прозрение слепцов
нисходит к нам в минуты
тризны,
О, как мы любим мертвецов,
Живых не жалуя при жизни.
Григорий Поженян.

Неуступчивый, неуживчивый, неожиданный, вечно выходящий за пределы принятых правил — таким казался Андрей Тарковский. Помните, в фильме М. Хуциева «Мне двадцать лет», где Тарковский сыграл небольшую роль, как яростно злился его герой на квасной патриотизм. Он казался нам циником. Еще бы, какие только «битвы» не сотрясали нашу жизнь тогда, за какими только «ведьмами» тогда не охотились... То узкие брюки попадали в опалу, как свидетельство узкого кругозора, то туфли «на манной каше» были для кого-то показателем космополитизма, то в увлечении джазом видели ступеньку к предательству Родины. Журнал «Юность» не выдавался читателям до 18 лет, о Ремарке и Хемингуэе говорили шепотом и т. д. и т. п.

Тарковский начинал с почти документальной ленты «Иваново детство», потом появилось глубокое и драматическое исследование истории Отечества («Андрей Рублев»), постепенно режиссер пришел к обобщенному философскому постижению жизни («Солярис», «Зеркало», «Сталкер»). Его фильмы, лишенные рекламы и рецензий, несмотря на это, имели своих горячих почитателей. Голос официального недоброхотства порождал в нас двойную приязнь: мы хотели возместить художнику ущерб, наносимый чиновниками от искусства.

Нашему поколению все-таки повезло. Мы имели счастье смотреть все фильмы Тарковского, видели сюжеты Каплера о нем. Может быть, поэтому нас не обольщали ни индийские мелодрамы, ни благополучные и благонамеренные «киношники», ни шумиха вокруг «Красных кололов» и «Европейских историй». Мы были свидетелями того, как «Андрей Рублев» демонстрировался целый месяц, за что «Орленок» получил звание кинотеатра им. А. Рублева.

Но мне очень жаль молодых людей, воспитанных на легкомысленном искусстве, они неуютно чувствуют себя в фильмах Тарковского. Это как возмездие всем нам. Помните, Блок говорил: «Юность — это возмездие». Гении не ошибаются.

Перебираешь в памяти фильмы Тарковского и невольно задумываешься: кому он мешал, почему ему не давали возможности нормально работать? Отчего даже киношник Н. Михалков на встрече с костромичами так

сдержанно и противоречиво отзывался о Тарковском?

Как мы помним, пушкинский Сальери воскликнул: «Нет, никогда я зависти не знал!», а чуть позже объяснил причину своего отношения к Моцарту: «...Я избран, чтоб его остановить — не то мы все погибли». Очевидно, самим своим существованием Тарковский мешал художникам средней руки чувствовать себя властелинами души, гениями и еще, наверное, мешал чиновным людям демонстрировать свою значительность.

Неуступчивым он остался и за границей. Тарковский знал, что с этими людьми ему теперь придется жить. Но зная это, он не мог позволить себе сделать какое-нибудь весьма восторженное по поводу того, что видел, заявление. В прологе его «Ностальгии» звучат слова, сразу отделяющие художника от этой чужой для него почвы: «Вам нас не понять». Он оставался самим собой: неуступчивый, бескомпромиссный, с развитым чувством собственного достоинства. Горько терять таких людей.

«Жертвоприношению» суждено было стать последним фильмом Андрея Тарковского. Трагическое предчувствие смерти, драматическая судьба мастера — все сказалось здесь, как последнее завешание художника не только собственному сыну, но и всем нам.

Главный герой фильма Александр — в прошлом актер, ныне журналист и театральный критик — обладает всем, что необходимо для ощущения небесмысленно прожитой жизни. У него есть уютный и респектабельный дом, подрастает сын, настала пора посадить дерево.

С первых кадров фильма попадаешь в обстановку библейской притчи: обобщенный фантастический пейзаж, безо всякой местной определенности, как на картинах Леонардо. Камера не поднимается выше линии горизонта, только в последних кадрах мы видим небо. Общий колорит фильма сумеречный, жизнь словно бы затаилась и прячет свое подлинное лицо.

Смыслом и оправданием своей жизни для Александра становится сын, живой и подвижный мальчик, страдающий немотой. Немота сына — это понятие скорее метафизическое, чем физиологическое. На наших глазах происходит врачевание, одушевление ребенка. Жизнь передается из рук в руки, от отца к сыну. В этом ежедневном жертвоприношении игра и веселость сочетаются с драматизмом и серьезностью. Эпизоды посадки дерева и розыгрыша почтальона следуют один за другим. Не бу-

дучи равными по смыслу, эпизоды равны по атмосфере доверия и единения двух поколений в общем деле.

Но вот тревога проникает в кадр, его охвачены мир природы и взаимоотношения людей. Трава как-то странно волнуется, словно хочет о чем-то предупредить; сын смотрит на отца, неожиданно ударившего его; отец падает в беспмятстве. Эти кадры как сигналы будущего бедствия, странные предзнаменования...

День рождения Александра. В его великолепном доме под соснами собираются близкие люди. У Александра в руках великолепный подарок — книга древней иконописи, и он скорбит о том, что утрачена тайна искусства-исповеди.

Но вдруг прекрасное лицо мира искажается судорогой. Известие о ядерной войне потрясло дом Александра — упала и забилась в истерике его жена. Укол доктора избавил женщину от страха и подарил ей бесмятство и бесстыдство. Укол — и можно в присутствии дочери и мужа возложить руки на плечи возлюбленного, ни о чем не думая и никого не стыдясь. Так вот, когда красота уродливо искажилась, когда война и разобщенность потрясли душу...

Победить распад и разложение можно, только жертвуя самым дорогим. Отказываясь от эгоистического обладания домом, сыном и деревом, Александр молит вернуть жизни мир, порядок и гармонию. Он возносит свою молитву перед картиной Леонардо «Поклонение волхвов». Александр, подобно восточным мудрецам, готов сложить у ног бога-младенца все свои сокровища. Только бы принял юный бог его жертву. Только бы осталась в мире красота.

Из новых руин, оставшихся после ядерного безумия третьей мировой, взирает он на живописные руины Леонардо. Что это — страшный сон, большой бред истощенного, уставшего человека? Или предупреждение разыгравшегося воображения? Проснувшись в своей комнате, видит Александр, что миру вернулся его прежний облик. А значит, жертва, обещанная им, принята: и сожжет он свой дом, чтобы мир остался неубитым. Жертвоприношение совершилось, санитарная машина увозит Александра в дом скорби...

Но последние кадры фильма наполнены светом и воздухом. Сын Александра заговорил, и размышляя сам с собой, совершая первые шаги в познании мира, сын растит дерево, посаженное вместе с отцом.

Т. ЕЛШИНА,
преподаватель КТИ.

27